

Дмитриев полагал, что начало оды Державина было написано под впечатлением Кивача еще до 1790 г.¹ Это мнение Дмитриева, очевидно, относится к строфам, связанным с описанием водопада у Дидро.

В конце XVIII в. художники не раз писали водопады. Это были уже не те узорные каскады, которые в свое время украшали гобелены или оживляли задний план пасторалей рококо. Это — водопады, писанные с натуры, окруженные дикой природой лесами и скалами с фигурками горцев, поставленными возле них для масштаба.

В Русском музее есть четыре «Водопада» живописца Матвеева (1758—1816). На одной из этих картин мы видим и «черные скалы», и «бьющие вверх бугры» пены, и «от брызгов стоящий синий холм» (Водопад в Тиволи).

Итак, Державин «писал» пейзажи, портреты, *intérieur*'ы и мертвую натуру. Он идеализировал натуру в той мере, в которой ее идеализировали современные ему живописцы. Следуя советам Дидро, он вскрывал символический смысл картин природы. Но все же в основе его «говорящей живописи» лежали зрительные впечатления от подлинных, реальных предметов, лежала работа над реальностью. Его «картины», посвященные снеди, не уступают по силе красок фламандской живописи (Снайдерс).

«Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь, икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!»

Создавая аллегории классического типа (например аллегории, прославлявшие Екатерину), Державин нередко черпал образы и краски из живописных аллегорий его времени. Чтобы написать аллерию, ему нужно было видеть ее «своими глазами». Некоторые образы религиозной поэзии Державина заставляют вспомнить религиозную живопись его времени (в частности — живопись Боровиковского).

«Говорящая живопись» Державина несла в себе начала реализма.

¹ Собр. соч. Державина под ред. Я. Грота, т. I, стр. 456 и 488.